

издаёт указ об общей эвакуации, а 15 сентября – распоряжение об эвакуации Музея Муравьёва в Москву. По получению распоряжения работники музея при помощи наёмных рабочих начали в спешке паковать наиболее ценные музейные экспонаты и архивные материалы. Эвакуация прошла в июле 1915 г. Достоверное число документов и экспонатов, вывезенных в Москву неизвестно.

Таким образом, создание Музея графа Муравьёва было обусловлено двумя основными обстоятельствами. Во-первых, научным интересом к жизни и деятельности виленского генерал-губернатора М.Н.Муравьёва, что проявилось в сборе и систематизации предметов, документов и других источников, относящихся к жизни и отражающих быт и деятельность самого генерал-губернатора. Во-вторых, российской пропагандой, нашедшей яркое отражение в издании музеем сборников документов. Неадекватный подбор публикуемых документов при том, что в последние годы существования музея издательская деятельность занимала большую часть его времени и средств, наводит на мысль, что именно пропаганда стала основной причиной его создания. Попытка возврата предметов, вывезенных из Виленского Музея древностей, и мероприятия, связанные с эвакуацией музея, стали итогом иных, не связанных с российским госаппаратом причин, однако, заняли существенную роль в деятельности музея. Весь комплекс особенностей в деятельности Музея графа Муравьёва позволяет выделить его из общего числа белорусских музеев конца XIX – начала XX веков и утверждать, что данный институт объединил в себе функции музея, архива и археографической комиссии.

Литература

1. *Белецкий, А. В.* Открытие музея графа М. Н. Муравьёва. – Вильна: Русский почин, 1901. – 31 с.
2. *Ilgiewicz, H.* Wilenskie towarzystwa i instytucje naukowe w XIX wieku. – Torun: wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. –
3. Сборник документов Музея графа М. Н. Муравьёва. – Вильно: Русский почин, 1906.

ТОПОНИМИКА МИНСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Г. М. Кобяков

На протяжении истории частые коррективы в области топонимики были обусловлены различными общественно-политическими процессами, проходящими в государстве. Подобные изменения наблюдаются и по сей день, что позволяет говорить о постоянной актуальности исследуемой темы.

Изучение истории топонимики Минска позволяет не просто смоделировать топонимическую структуру характерную для того или иного исторического периода, но и проследить вследствие каких событий и по

какому принципу давались наименования улицам, какими признаками эти топонимы отличались от предшествующих и чем была мотивирована их замена в будущем, вплоть до настоящего времени. Не стоит забывать, что топонимы улиц и площадей это фактически такая же часть истории Минска, как и сохранившиеся до настоящего времени памятники архитектуры и, несмотря на их нематериальный облик, они также весьма важны в изучении истории Минска, поскольку дают представление о быте, культуре, нравах горожан, потребностях, насущных проблемах города, в целом о его разносторонней жизни, выступая, таким образом, как некий исторический источник.

Целью данной работы является изучение истории эволюции топонимики улиц и площадей Минска за период с 1793 по 1917 год. Хронологические рамки обусловлены периодом наиболее активных топонимических коррекций проходивших в Минске как в губернском городе Российской империи.

На протяжении рассматриваемого нами периода столь часто, со сменой политического вектора, менялась и топонимическая карта города, все более и более деформируясь в угоду разнородным политическим силам и все, менее соответствуя жизни старого Минска. Примерно до 1840-х годов, Минск, с 1793 года входивший в состав Российской империи оставался, тем не менее, типично «польским» (точнее, польско-еврейским) провинциальным городком. Отсюда и обилие «польских» (или «католических») топонимов улиц, отражавших старый городской уклад. Топонимы возникали сами собой и чаще всего весьма логично. Сторожевская улица – на ней будка сторожа, охраняющего въезд в город, Францишканская – на ней монастырь францисканцев, Доминиканская – доминиканский костел, Бернардинская – монастырь бернардинцев, Зборовая – на ней собор (збор), Лютеранская – на ней лютеранский храм, Плебанские Млыны – на ней монастырские мельницы. Подгорная – под горой. Широкая – широкая, Торговая – место проживания торговцев [6, с. 88–106].

До определенного времени на подобные вольности в области топонимики городские власти закрывали глаза, однако с 1840-х годов Минск понемногу начинает приобретать очертания «русского» губернского города. Так уже в 1841-м году сугубо польский Высокий рынок (Wysoki Rynek) в «Минских губернских ведомостях» называется вполне по-русски – Соборной площадью [2, с. 19–27].

Активная русификация начинается в 1864 году после подавления восстания. С улиц исчезают топонимы, непонятные носителю русского языка, появляются такие сугубо «русские» улицы, как Коломенская, Серпуховская, Вяземская (все три топонима связаны с армейскими полками,

там расквартированными), Петербургская, Московская. Продолжена политика переименований была 1866 г, когда «Минские губернские ведомости» сообщили, что 17 улиц и переулков Минска сменили свои названия, что было попыткой ограничить католическое, «польское» влияние. Так Францисканская стала Губернаторской, мотивация подобного топонимического присвоения понятна – на этой улице находился дом губернатора, Фелициановская (Комсомольская) стала – Богодельной, ибо там находилась городская богадельня, Бернардинская стала – Монастырская, Доминиканская – Петропавловской, Сборовая – Тюремной, потому что соединяла город с тюремным замком [3, с. 69–71; 5, с. 70–73].

К 1917 году топонимика центра Минска ничем не выделяется на фоне топонимики других русских губернских городов: исконные названия типа Немиги теряются на фоне многочисленных наименований Российских властей наподобие Соборной площади, Губернаторской (бывшая Францисканская), Преображенской, Вознесенской, Крещенской, Петропавловской [9, www.gorodminsk.by].

Нужно отметить, что привнесение новых топонимов в городскую топонимическую сетку не всегда носило строго рациональный характер, зачастую Российские власти топонимировали улицы без всякого критерия, исходя из того принципа, что улица должна как-то называться, при этом не важно как. Историческая обусловленность при даче топонимов улицам не учитывалась, штамповались однотипные названия, не имевшие отношения к древней истории Минска, при этом ликвидировались старые топонимы, некоторые из которых существовали с самых начальных этапов развития города. Все это, безусловно, искажало ту топонимическую карту Минска, которая существовала в XVIII веке. Но для справедливости стоит отметить, что политика преобразований в топонимике касалась только центральных улиц, на окраинах ситуация оставалась прежней, во многом не исчезали из городского оборота и старые названия центральных улиц, они просто существовали в городской лексике наряду с новыми, происходило это потому, что власти к топонимике относились не слишком серьезно и любые преобразования в этой области считали делом второстепенным, куда важнее было решение насущных проблем связанных с санитарным состоянием города, строительством новых дорог, кварталов, городским бюджетом [1; 4, с. 143–148].

Наряду с вышесказанным стоит отметить, что только в середине XIX века городскими властями была впервые введена упорядоченная система топонимических присвоений, которой не было во времена Речи Посполитой, когда топонимы возникали стихийно. Безусловно, попытка создания плановой системы введения топонимов, была явлением про-

грессивным, свидетельствовавшим о попытке городских властей, наконец, систематизировать и регламентировать ту запутанную ситуацию, которая существовала в топонимике до этого. А массовая застройка, развернувшаяся в городе в этот период и проходившая согласно утвержденным градостроительным планам, только способствовала оптимизации городского устройства и ориентации в городе [7, с. 214–216].

Процесс формирования самих улиц как строительно-архитектурных комплексов, складывание их как единой транспортной сети-артерии города был неразрывно связан с историей топонимики этих улиц. Непосредственные физические, градостроительные изменения этих комплексов не могли не повлиять и на их нематериальный топонимический облик. Топонимические присвоения были обусловлены рядом факторов. Так, улицы называли по объектам, которые на них находились (церквям, административным зданиям – Белоцерковная, Школьная улицы); по наименованиям тех местностей, куда они были ориентированы (Койдановская, Раковская улица.); по наименованиям предместий, слобод, деревень, в которых они располагались (улица Старослободская – бывшая деревня Старая Слобода); по названиям профессий их жителей – (Бондаревская, Шорная); также улицы называли по национальным признакам преобладающего на них населения (Большая и Малая татарская, Еврейская, Немецкая улицы); крайне редко улицы называли и в честь конкретных лиц (Захарьевская, Скобелевская улицы); особенности природных условий и рельефа также служили основанием для топонимических присвоений (Низовая, Подгорная, Высокая улицы); Называли улицы и по принципу выполнения ими каких-либо важных функций, например торговли (Базарная, Магази́нная, Кустарная, Торговая, Мясницкая). Строительство железных дорог приводило к росту населения и к быстрому расширению города, соответственно в городскую топонимику вводились новые топонимы улиц (Железнодорожная, Путейская, Вокзальная, Либаво-Роменская, Машинистов, и т.д.). Нередко улицы называли по каким-либо мифологическим явлениям, якобы имевшим здесь место в далекие времена (Золотая горка, Слепянка) [8, www.mensk.by; 10, www.etominsk.land.ru].

Таким образом, в формировании традиционной топонимической структуры города, за период с конца XVIII – по начало XX вв. можно выделить несколько основных этапов: с 1793 – по 1840-е гг. проходил первый этап, в рамках которого сохранялась, практически без изменений, традиционная топонимическая сетка города, характерная еще для времен Речи Посполитой.

Второй этап – 1841–1864 годы – характеризовался первыми попытка-

ми городских властей ограничить католическое, польское влияние в области традиционной топонимики, путем переименования нескольких улиц в центре города, на «Российский» манер.

Третий этап – с 1864 по 1917 гг., – не был однороден по своей структуре, и сопровождался все новыми и новыми волнами топонимических реформации (1866, 1889, 1900), приведших, в конечном счете, к фактическому уничтожению традиционной топонимики.

Основными причинами переименований Минских улиц в данный период явились: политические предпочтения, связанные со сменой настроения официальных властей и введением ими новых «правильных» топонимов. Однако необходимо отметить и то, что в повседневной жизни Минчане пользовались традиционными названиями, не принимая официальные.

Литература

1. *Боровой Р.* Историческая топография древнего Минска // Гіст. – археалаг. зборнік. Мн., 1997. №12.
2. *Каляда В.І.* Мінск учора і сёння. – Мн., 1988. С. 19-27.
3. *Карпович Т.А.* Культурнае жыццё Мінска 1-й паловы XIX ст. Мн., 2000. С.69-71.
4. Памятники Минска. / Авт.- сост. В.П. Шамов. Мн., 1990. С. 143-148.
5. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: У 4-х кн. Кн.1. Мн., 2001. С.70-73.
6. *Шибeko З.В., Шибeko С.Ф.* Минск. Страницы жизни дореволюционного города. – Мн., 1994. С.88-106.
7. *Шибeko З.В.* Гарады Беларусі: 60-я гады XIX – пач. XX ст. Мн., 1997. С.17-18; 214-216.
8. <http://www.mensk.by/modules.php/name=Horad>
9. <http://www.gorodminsk.by/>
18. <http://www.etominsk.land.ru/history-minsk.htm>